

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Научная статья

УДК 930.2

doi: 10.17223/19988613/95/19

Проблемы сравнительно-исторического метода и исторических аналогий в публикациях Г.С. Фридлянда

Дмитрий Петрович Мочалов

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия, dosoldschool@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются взгляды Григория Самойловича Фридлянда на ряд методологических вопросов, связанных с проблемами сравнительно-исторических исследований. На примере сравнительных исследований революций новой и новейшей европейской истории в публикациях Фридлянда раскрывается широкий спектр проблем, связанный с различением сравнений и аналогий, проведением границы сравнительных исследований и конкретными подходами к проведению сравнений. Прослежена взаимосвязь историко-методологических и философских взглядов Г.С. Фридлянда как проявление влияния философии на методологию частной дисциплины.

Ключевые слова: исторический материализм, методология истории, марксизм, Фридлянд, сравнительные исследования

Для цитирования: Мочалов Д.П. Проблемы сравнительно-исторического метода и исторических аналогий в публикациях Г.С. Фридлянда // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 95. С. 149–155. doi: 10.17223/19988613/95/19

Original article

Problems of the comparative-historical method and historical analogies in the publications of G.S. Fridlyand

Dmitrii P. Mochalov

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation, dosoldschool@yandex.ru

Abstract. The comparative historical method has gained immense popularity at the present stage of development of historical science. The reverse side of this popularity is the threat of its vulgarization and, accordingly, application errors. The purpose of this study is to clarify the views of the early Soviet historian Grigorij Samojlovich Fridlyand on the problems of comparative historical research. The relevance of such consideration is given by the fact that the historiography of historical science methodology has not yet been fully formed, as well as the history of the development of individual research methods. The review was carried out on the materials of articles, reviews, polemical notes and other periodic publications by G.S. Fridlyand in the leading periodicals of that time. The study revealed that on the basis of discussions around the similarities and differences between the French Revolution and the October Revolution, Fridlyand managed to develop a number of key issues of the comparative method: the distinction between comparisons and analogies, the main lines of comparison of historical phenomena and processes, the possibility of comparisons in the chronological context, the comparison of particular differences in similar objects and single matches for dissimilar objects. When considering the views of Fridlyand, special attention was paid to accusations of opportunism by modern researchers, as well as the relationship between his historical and philosophical views. Summarizing the publications of this author, a number of fundamental conclusions were made. The first of these was a statement of the profound influence that Marxism and its system of philosophical categories had on Fridlyand in resolving particular questions of discipline. Only this system gives the key to understanding the apparent contradictions in his constructions and allows explaining why in each specific case the author comes to certain conclusions while evaluating this or that historical analogy. A similar approach, associ-

ated with the use of a system of categories, may be relevant for modern researchers who tend to get confused about the identity and distinction of historical processes and phenomena. It is impossible not to note the purely applied significance of a number of ready-made conclusions, such as, for example, Fridlyand's criticism of the modernization of history on the example of attributing analogies to the phenomena of the past with the phenomena of current or recent political reality. In conclusion, it is noted that while the history of methodology development and specific examples of the use of various research techniques are still poorly reflected in studies, an analysis of the methodological views of historians from the past will be of great importance for training new personnel in historical science and further understanding of the conditions for its development.

Keywords: historical materialism, methodology of history, Marxism, Fridlyand, comparative studies

For citation: Mochalov, D.P. (2025) Problems of the comparative-historical method and historical analogies in the publications of G.S. Fridlyand. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 95. pp. 149–155. doi: 10.17223/19988613/95/19

Сравнительно-исторический метод сегодня занимает значительное место среди техник, к которым прибегают передовые исследователи. Количество и тематическое разнообразие компаративных исследований не оставляет сомнений, что эта методика оставит свой след на всей исторической науке нашего периода. Вместе с тем, обретая популярность, та или иная идея становится уязвимой для вульгаризации. На это накладывается та проблема, что современные методологические пособия, излагая развитие методологии в общих чертах, редко прибегают к конкретным примерам успешного использования того или иного метода, мало говорят об историческом развитии его применения.

В данном материале на примере журнальных публикаций (критических, полемических и т.д.) советского историка Григория Самойловича Фридлянда мы постараемся проиллюстрировать ту роль, которую играет понимание методологических установок историков далекого прошлого для адекватного восприятия полученных ими в исследованиях выводов. Ближайшими задачами для нас станут рассмотрение позиции Фридлянда относительно сравнения европейских революций нового и новейшего времени, раскрытие взаимосвязи понимания сравнительно-исторического метода с философскими взглядами Фридлянда и господствующей на тот момент научной парадигмой, а также выяснение вопроса о соотношении между методологическими декларациями и реальной практикой исследования в его работах.

Особый интерес представляет то, что Г.С. Фридлянд был одновременно и видным историком своего времени, и философом, т.е. имел особую подготовку для решения таких сложных вопросов. Григорий Фридлянд в философских дискуссиях 1920-х гг. примыкал к так называемым «деборинцам», вместе с которыми выступал учредителем Общества воинствующих материалистов [1. С. 225–226], регулярно публиковался в подконтрольных им изданиях, а также работал с целым рядом видных учеников А.М. Деборина в рамках Института Маркса и Энгельса [2. С. 268–269]. Также Фридлянд был задействован в работе Института истории в рамках секции по методологии истории [3. С. 221].

Как уже было отмечено, современные методологические учебные пособия почти всегда излагают историю методологии как дисциплины, но далеко не так подробны в истории конкретных техник исследования и иллюстраций их применения на конкретном материале. Литература, специально посвященная сравнительно-

историческому методу, появляется только в позднесоветское время, когда обособляется и сама методологическая проблематика. Можно упомянуть публикации Э.С. Маркаряна [4] и Э.Л. Мелконяна [5]. Но преимущественно тема остается в рамках общей методологии общественных наук, потому можно упомянуть такие сборники, как «Методологические проблемы общественных наук» (1979) [6] или «Проблемы методологии социального познания» (1985) [7].

Постсоветская литература в этом плане более конкретизирована, о чем могут свидетельствовать публикации М.М. Кромма [8], выпуск «Рабочих тетрадей по компаративистике» и переводы ранее недоступных русскоязычному читателю авторов, разрабатывающих данный подход. Однако это положительное достижение почти полностью перекрывалось жесточайшим методологическим кризисом, который возник после историографической ситуации перестройки. В таких условиях интерес ко всяким методологическим проблемам в принципе был длительное время чрезвычайно низок.

Тем не менее заметим, что все вышеперечисленные публикации мало похожи на историографию вопроса, потому как в подавляющем большинстве отражают современное авторам состояние сравнительных исследований, но не их историю, тем более для такого узкого периода, как 1920-е гг.

Конкретно историография, посвященная Г.С. Фридлянду, также может дать чрезвычайно мало. Она практически не акцентирует внимание на методологическом аспекте его творчества. В «Очерках истории исторической науки в СССР» Григорий Самойлович Фридлянд упоминается в связи с методологическими дискуссиями тех лет, но его взгляды как особый предмет рассмотрения не выделяются [9]. В работе «Великая французская революция в советской историографии» А.В. Гордона также упоминаются только самые общие контуры дискуссий тех лет [10].

Вместе с тем при рассмотрении журнальных публикаций Григория Самойловича Фридлянда бросается в глаза то пристальное внимание, которое он уделял проблеме исторической аналогии. Вообще проблема аналогии и в принципе всякого сравнения волновала многих авторов того времени. Например, один из лидеров «механистического» направления в советской философии Любовь Исааковна Аксельрод возводила этот метод чуть ли не на вершину раскрытия исторической закономерности, считая методы естественно-

научного эксперимента (в виде так называемого «неконтролируемого эксперимента») равно возможными как для естественных, так и для общественных наук [11. С. 12]. Другой видный «механист» Захар Цейтлин стремился доказать, что марксистскую политэкономию возможно объяснить по аналогии с классической механикой Ньютона [12. С. 137].

Вместе с тем советский общественед Филарет Тележников, так же как и Фридлянд, тесно примыкавший к «диалектикам», в своей обширной статье, посвященной категории «причинности», отмечал, что преувеличение роли аналогии и «ей подобных приемов» характерно именно для механистического понимания причинности [13. С. 36]. В свою очередь, использование именно этого понимания причинности в современном автору обществоведении – неотъемлемая черта позитивизма тех лет [13. С. 59, 70–71].

В целом идея статьи такова, что аналогия находит свое полное оправдание на уровне механики, где вполне возможно абстрагироваться от качества взаимодействующего и где можно с уверенностью утверждать, что та же самая причина всегда вызовет то же самое действие, а причина равна действию. Последнее надо понимать так, что меньшая вещь не может вызвать большую, малые причины не влекут больших последствий, и наоборот, большие причины не влекут малых следствий. Уже здесь видно, что это действительно более применимо к закону сохранения энергии, чем к путям человеческой истории. Использование аналогии и сравнения при изучении социальной материи, безусловно, допускается, но лишь в отдельных сторонах предмета [13. С. 70–71].

Если у Тележникова замечания по этому поводу носят более общеметодологический характер, то Фридлянд продолжает ту же линию, но на конкретном историческом материале. Г.С. Фридлянд нигде не отрицает, что аналогия как мыслительная операция является одним из исходных пунктов для выведения закономерностей, но также ставит вопрос о границах. Какие аналогии плодотворны, а какие являются поверхностными и претендуют скорее на звание полемического приема, нежели действительного способа добычи истинного знания? Фридлянд на материале термидора французской революции обозначает две равные крайности: либо полное отождествление истории Октября с историей Великой французской революции, либо постулирование невозможности проводить между ними всякую параллель.

По мнению Фридлянда, попытка перенести рассуждения о французском термидоре на ситуацию в СССР бесплодна, но не по той причине, что аналогии между двумя революциями невозможны в принципе, а потому, что в данном конкретном вопросе речь идет о различных способах производства, имеющих свои внутренние закономерности и, соответственно, особый характер их революционного разрешения. То есть аналогия мыслится возможной, но в некоей иной плоскости [14. С. 158–159]. Еще раз Фридлянд затрагивает тему сравнительно-исторического метода, рассматривая работы французского историка Анри Сэ. Критикуя его подход к данному методу, Фридлянд замечает, что

для успешного применения одного зарубежному автору не хватает монизма. Сравнения поверхностны и бессистемны, поскольку нет единого критерия, того ядра, что является решающим при разграничении явлений [15. С. 22–23]. Говоря философским языком, в построениях Анри Сэ нельзя отделить сущность события, в которой больше необходимого, от явлений, в которых много случайного и кажущегося. Это и приводит к дурным аналогиям.

В качестве позитивного примера сравнения, каким его видел критик, можно привести сопоставление Фридляндом в одном из предисловий английской и французской революции [16. С. 126–128]. Исходя из принятой им марксистской методологии, общность содержания обеих революций, связанных со сменой феодального общественно-экономического строя на капиталистический, позволяет сопоставлять формы их конкретного протекания. Это позволяет ему в принципе сравнивать два события, произошедших в различных государствах и разделенных почти столетием. Но это вовсе не значит, что обнаруженные различия несущественны. Тот факт, что в случае Англии буржуазия была вынуждена взять себе в союзники часть дворянства, а во Франции – народ (в смысле предпролетарских слоев и крестьянства), существенно определил как ход революции, так и ее последствия, хотя обе фундаментально, на уровне смены общественно-экономической формации, добились равного результата. То есть сравнение, по Фридлянду, корректно, если у процессов с единым содержанием сравнивается форма.

Некоторые, пусть и неглубокие, пояснения можно найти в его публикациях о методике преподавания. Учитывая, как крепко сам Фридлянд связывал методiku преподавания предмета с методологией, в нем господствующей [17. С. 97], прислушаться к этим пояснениям будет небезынтересно. Таким образом можно выяснить, что аналогией Фридлянд считает поверхностные обобщения, вульгаризированный вариант сравнительно-исторического метода, когда пытаются сопоставить разнородные явления во всей их полноте. [17. С. 107]. В свою очередь, добросовестность сравнения состоит в том, что берут для сравнения не просто сопоставимые объекты, что лишь начало задачи, но и ограничивают такие объекты конкретными сторонами [18. С. 186].

Отдельно отметим, что речь здесь идет о статьях 1924 года. Они не только отражают самые ранние, начальные взгляды Фридлянда на проблему, но и показывают, что необходимость заглушевывать троцкистский тезис о «советском термидоре» еще далеко, а вопрос автора уже интересует. Это важно, так как А.В. Гордон вообще рассматривает всю тему с историческими аналогиями у Г.С. Фридлянда как своеобразную попытку отмежеваться от политических кампаний против троцкизма, который пророчил советской власти скорое повторение судьбы якобинской диктатуры. Это как бы ориентирует современного исследователя не воспринимать написанное Фридляндом всерьез и смотреть на его методологические замечания только как на выражение конъюнктуры [10. С. 55–56]. Но дело в том, что абсолютно идентичный взгляд на аналогии в деле

сравнения двух революций Фридлянд высказывал еще на заре карьеры, в 1923 г. [19; 20. С. 14, 16]. И вплоть до 1931 г. [21. С. 3] в его взгляде на этот вопрос прослеживается планомерное развитие, но никак не резкая перемена.

Последнее можно зафиксировать только в 1936 г., но и здесь обновление взглядов шло в несколько ином русле. В довольно, казалось бы, типичной для своего времени статье под названием «Энгельс как историк», ссылаясь на одно из писем Энгельса, Г.С. Фридлянд ставит вопрос о втором пути исторического сравнения [22. С. 88]. Первый отмечен в его прежних публикациях: брать однородные процессы и сравнивать частные расхождения. В упомянутом же письме приведено требование Энгельса сравнивать историю Германии не с Польшей, а с наиболее передовыми странами того времени, с той же Францией, чтобы четче высвечивать различия. Более того, по мнению классика марксизма, сравнение Германии именно с Францией дает нужный масштаб, поскольку в последней «происходит как раз обратное тому, что происходит у нас» [22. С. 89] Отдельно отметим, что в 1924 г. Г.С. Фридлянд категорически выступал против подобного подхода касательно истории России и Западной Европы, считая, что это приведет к слишком вульгарным аналогиям. Тогда еще Фридлянд не задумывался о том, что различие, несхожесть могут быть не только предпосылкой, но и результатом [17. С. 107]. А вот Энгельс вполне себе мыслил сравнение неких общих частных у различных в целом обществ, с чем к середине 1930-х гг. соглашался уже и Фридлянд. Разработка подобной техники исследования представляла бы значительный интерес как с точки зрения соотношения с философскими достижениями советского марксизма тех лет, так и с точки зрения собственно исторических исследований. Увы, но на этом месте нить обрывается, поскольку творческий и жизненный путь Фридлянда закончился на следующий год после публикации, а атмосфера научной среды тех лет не располагала к новаторству.

Как уже упоминалось, по характеру замечаний в монографии «Великая французская революция в советской историографии» можно заключить, что для ее автора определенное разрешение вопроса об аналогиях у Г.С. Фридлянда было способом уйти от давления политической действительности того времени [10. С. 55–56]. С этой точки зрения его взгляды вполне могут показаться путанными и конъюнктурными: подозрительно удобно, что исторические аналогии оказываются невозможны там, где они в тот момент были наиболее необходимы политической оппозиции. Вместе с тем все эти сомнения уходят, если вспомнить активное увлечение Фридлянда философией того времени.

Обобщая его публикации за разные годы, можно прийти к выводу, что Григорий Самойлович считал возможными сравнения, связанные с подведением событий Октября и Великой французской революции к общему знаменателю в смысле общих закономерностей революционного процесса. В таком случае и французская, и Октябрьская революции в равной степени являются единичными проявлениями некоего общего, революционного процесса вообще. Он искал, и с точки

зрения категориального аппарата марксизма делал это верно, общее, особенное и единичное революционного процесса. Можно представить себе это как вертикальную связь различных революций, отстоящих друг от друга на ленте времени на значительное расстояние, с неким общим над ними. К слову, вообще всю проблему общественно-экономических формаций и их переходов Фридлянд характеризовал не иначе как конкретизацию общего, особенного и единичного применительно к исторической науке [23. С. 7].

Однако в плоскости другой пары категорий, сущности и явления, для него, опять же как для марксиста, подобные сравнения были невозможны. Условно это можно изобразить как горизонтальную связь уже между самими различными видами революций разных эпох, т.е. вневременную, стирающую границы между эпохами, которые они отделяют. Само собой, такие аналогии для марксиста, коим был Г.С. Фридлянд, были невозможны. Во-первых, равенство всех революций, – в сущности, горизонтальное, для удобства изложения, – подрывало вышеобозначенную вертикальную связь. Если «в сущности» все революции тождественны и в них нет индивидуального, то общую теорию революционного процесса невозможно построить – нечего обобщать. Наоборот, существует уже готовая, почти гегельянская «идея революционного процесса вообще», которая целиком воплощается в единичных явлениях в различные моменты времени. Таким образом, полные аналогии можно выстраивать даже между Октябрьской и Нидерландской революциями, но уже незачем: объектом рассмотрения на самом деле станет эта метафизическая идея.

Вместо того чтобы расширить базу сравнительно-исторического метода, подобный подход нивелировал бы ее – что сравнивать, если все революции в истории есть проявление какой-то гипостазированной надисторической сущности, «революции вообще»? В них нет ничего самостоятельного, уникального, достойного индивидуального подхода. Это был бы уже путь предельной схематизации.

Во-вторых, в марксизме «явление» не совпадает с «сущностью». Хотя сущность существует только в явлениях и через явления, а не за ними, последние имеют несводимое, специфическое содержание, искажающее его. Явления не только несамостоятельны, но и шире сущностей, потому что полны второстепенных и случайных связей. Полагаться только на их сравнения для выявления сущности – значит отождествлять сущность и явление, сравнением и систематизацией последних исчерпать изучение предмета вместо подлинно исторической реконструкции конкретного. Собственно, это то, в чем часто обвинялся позитивизм тех лет, и здесь мы возвращаемся к исходному философскому пункту, от которого оттолкнулись, упоминая Ф.Е. Тележникова.

Многие явления, характерные для современного капитализма, существовали и в Древней Греции. Например, товарный обмен. Вместе с тем характер организации общественного производства, который этот товарный обмен выражал, с точки зрения марксизма был бесконечно далек от современного. Явление

товарного обмена дожило до нашего времени, но аналогировать товарный обмен того времени и современный именно с целью доказать тождество прячущейся за ними сущности – это не путь марксизма. Хотя, как мы увидели, к концу своего пути Фридлянд пришел к тому, что изучение частных, отдельных явлений, выражающих разные сущности, также возможно и нужно, но проработать эту проблему как следует уже не успел.

В рассуждениях Фридлянда нет конъюнктуры, по крайней мере в очевидном виде, поскольку в марксизме сущность действительно слишком интегративная категория, включающая в себя отдельные стороны ряда других категорий, и потому выступает как наиболее устойчивое в процессе развития.

Вот об этом и говорит Фридлянд, не допуская аналогий между французским термидором и советским: их сравнение даст что угодно, но не желаемое для многих в ту эпоху тождество. Каждый из них может быть понят в основе своей только при изучении индивидуальных фактов.

Но в месте с тем, по мнению Фридлянда, «установление причинной связи исторических явлений начинается и сводится к установлению типичного в индивидуальном», само познание индивидуального есть лишь раскрытие общего [24. С. 151–152]. Противоречий в этих двух подходах не возникает потому, что рассматриваемое явление или процесс мыслятся им в системе категорий марксизма. Тогда и сравнение может идти по линии сопоставления различных форм протекания тождественных по своему содержанию процессов. Сравнение может идти по линии сущности и явления. В конце концов сравнение может дать материал для конструирования общей теории революционного процесса, которую можно абстрагировать от опыта конкретных, индивидуально-своеобразных революций, т.е. по линии категорий общего и особенного. Вот такую аналогию Фридлянд допускает и сам. Анализируя смену власти различных группировок буржуазии в годы Великой французской революции, Фридлянд приходит к выводу, что сутью этого процесса было вытеснение партий, представляющих какие-то определенные группировки буржуазии, той, которая сможет консолидировано представлять интересы всего класса. Это было совершенно необходимо, поскольку на первых порах аристократия, поддерживая наиболее близкие ей слои буржуазии, делала попытку спасти свой порядок на почве другого класса. Таким образом, по его мнению, закономерен и оппортунизм в социалистических революциях XX в. – почти все они начинаются с умеренных, выражающих объективные интересы не всего рабочего класса, а лишь рабочей аристократии. Это также, по его мнению, представляет собой попытку спасти капиталистические порядки на почве рабочего класса [25. С. 162–163].

Несмотря на то, что аналогии между двумя революциями, особенно в свете будущих событий периода сталинизма и периода перестройки, все же превратили «советский термидор» в устойчивое выражение, обозначающее внутреннее перерождение общественного строя в СССР, надо признать, что Фридлянд, пусть

и ошибочно отрицая возможность этого перерождения вообще, оказался по-своему прав методологически. Даже если обозначать события 1930-х гг. или перестройки как «советский термидор», – он, безусловно, имел свои внутренние исторические закономерности, не сводимые к схеме французской революции. Достаточно указать уже на то, что не вполне ясно, к какому периоду относить «термидор» Октября, какова его длительность и даже был ли он вообще. В этом плане в истории действительно произошло нечто качественно новое, не сводимое к событиям краха якобинской диктатуры. Если бы проблема действительно решалась по аналогии, на которую раньше просто налагался идеологический запрет, то подобные вопросы сегодня вообще не стояли бы.

Значит ли это, что конъюнктура вообще не влияла на методологические позиции Фридлянда и их воплощение в жизнь? Отнюдь нет. На дискуссии о народо-вольцах он обронил довольно интересную реплику: «У Маркса в одной из рецензий на работы Б. Бауера о христианстве высказана мысль, что в каждом данном историческом явлении мы должны изучать главным образом то, что в нем остается от прошлого, а не столько содержащиеся в нем зародыши будущего. Эта мысль должна удерживать наших историков от естественного желания открывать в Марате, Бабефе или народо-вольцах большевиков» [26. С. 136]. В самом деле, с этим сложно не согласится, поскольку подобная аналогия в прошлое действительно представляет собой скорее прием нечистоплотной полемики, нежели сколько-нибудь ценное знание. Например, признать марксизм «разновидностью спинозизма», а такие дискуссии в историко-философских исследованиях 1920-х гг. имели место, – значит сказать нечто новое и важное для понимания предпосылок возникновения диалектического материализма. Другое дело – верно ли это, но сама постановка вопроса серьезна. Однако называть Спинозу первым диалектическим материалистом в истории или «первым марксистом до Маркса» – значит вульгарно модернизировать историю общественной мысли. Это значит осознанно ставить цель повесить на мыслителя некий ярлык, который в зависимости от замысла авторов должен или отпугивать от Спинозы всех испуганных большевизмом в современности, или, наоборот, обеспечивать непогрешимость положений его философии для всякого, кто желает себя отождествлять с современными коммунистическими течениями. Ярлык, поскольку для понимания Бенедикта Спинозы и его времени подобная характеристика не дает вообще ничего нового, выступая просто как полемический прием. Причем отнюдь небезобидный, поскольку делает исследователя более уязвимым к ошибкам послезнания.

Правда, нужно заметить, что аналогиям, направленным из прошлого в будущее, также следовало бы выставить определенные границы. Представляется, что существует некая черта, за которой их плодотворность заканчивается. В этом плане Фридлянд сделал некоторое упущение.

Однако наиболее печально то, что в первую половину 1930-х гг. «большевизация» французской рево-

люции будет осуществляться руками самого Фридлянда, причем апофеозом ее станет попытка «открыть большевика» в Марате, в осуждении которой солидарны как советские, так и постсоветские работы [9. С. 647–649; 10. С. 67–68]. Здесь, в отличие от отношения к историческим аналогиям, есть безусловное расхождение между декларациями и практическими результатами исследования.

Таким образом, мы увидели, что полноценное понимание выводов, к которым приходил Фридлянд по поводу сравнения европейских революций, невозможно без выяснения его взглядов на сам метод исторического сравнения, поскольку уже на этом этапе в самом подходе заложен определенный спектр решений. Взятые вне этого контекста выводы теряют ту слаженность и динамику, которые имеют, будучи поняты в контексте определенного мировоззрения. В таком случае есть риск, что они могут быть обесценены

в историографическом исследовании просто потому, что оказываются неправильно понятыми. К тому же данный подход позволяет судить о конкретном авторе, избегая модернизации, трезво осознавая методологические возможности тех лет и мировоззренческие рамки, в которых находились историки прошлого.

Безусловно, подобный подход не является панацеей. Проблема неадекватности результатов декларируемым методологическим принципам, а также банальной непоследовательности, конъюнктурности не исчезает. Более того, в таком случае сколь угодно детальное выяснение методологических установок автора прошлого просто не дает ничего нового для понимания. Но как раз изучение реальной практики применения тех или иных методов и позволяет с большей или меньшей уверенностью утверждать, что природа тех или иных результатов в действительности не такова, как это декларируется изначально.

Список источников

1. Заседание Общества Воинствующих Материалистов // Под знаменем марксизма. 1927. № 4. С. 208–227.
2. Цобель Э.О. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса // Печать и революция. 1927. № 7. С. 257–269.
3. В институте истории при Комакадемии // Историк-марксист. 1929. № 14. С. 221–227.
4. Маркарян Э.С. Об основных принципах сравнительного изучения истории // Вопросы истории. 1966. № 7. С. 18–31.
5. Мелконян Э.Л. Проблемы сравнительного метода в историческом знании. Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1981. 129 с.
6. Методологические проблемы общественных наук / под ред. Л.Ф. Ильичева. М. : Наука, 1979. 472 с.
7. Проблемы методологии социального познания / под ред. В.А. Штоффа. Л. : Изд-во ЛГУ, 1985. 181 с.
8. Кром М.М. Введение в историческую компаративистику. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 247 с.
9. Очерки истории исторической науки в СССР / под ред. М.В. Нечкиной. М. : Наука, 1966. Т. 4. 854 с.
10. Гордон А.В. Великая французская революция в советской историографии. М. : Наука, 2009. 380 с.
11. Аксельрод Л.И. (Ортодокс) Критика основ буржуазного обществоведения и материалистическое понимание истории : курс лекций. 2-е изд. М. : ЛИБРОКОМ, 2010. 104 с.
12. Цейтлин З.А. Наука и гипотеза : историко-критическое исследование математических начал натуральной философии в связи с учением о методе естествознания и общественных наук. М. ; Л. : ГИЗ, 1926. 216 с.
13. Тележников Ф.Е. Проблема причинности с точки зрения диалектического материализма // Вестник коммунистической академии. 1927. № 24. С. 20–73.
14. Фридлянд Ц. 9-е термидора // Историк-марксист. 1928. № 7. С. 158–188.
15. Фридлянд Ц. Марксизм и западноевропейская историография // Историк-марксист. 1929. № 14. С. 13–35.
16. Фридлянд Ц. Выставка по истории Великой французской революции // Летописи марксизма. 1928. № 5. С. 126–128.
17. Фридлянд Ц. О методике преподавания истории // Сборник по вопросам партпросвещения. М. : Изд. Ком. ун-та им. Я.М. Свердлова, 1924. С. 96–116.
18. Выдержки из стенограммы заседания кафедры истории Свердловского университета // Сборник по вопросам партпросвещения. М. : Изд. Ком. ун-та им. Я.М. Свердлова, 1924. С. 173–243.
19. Фридлянд Ц. Рецензия: Albert Mathiez. “Le bolschévisme et le jacobinisme” // Печать и революция. 1923. № 2. С. 156–158.
20. Фридлянд Ц. Круговорот профессора истории // Печать и революция. 1923. № 6. С. 8–19.
21. Фридлянд Ц. Предисловие // Эрдэ Д.И. 9 термидора в исторической литературе. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1931. С. 3–4.
22. Фридлянд Ц. Энгельс как историк // Историк-марксист. 1936. № 2 (54). С. 82–89.
23. Фридлянд Ц. Энгельс об истории как науке // Историк-марксист. 1935. № 8-9 (48-49). С. 5–27.
24. Фридлянд Ц. Два шага назад // Под знаменем марксизма. 1928. № 2. С. 147–161.
25. Фридлянд Ц. Ленин и война 1914–1918 гг. // Под знаменем марксизма. 1924. № 2. С. 148–172.
26. Дискуссия о Народной воле в обществе историков-марксистов // Историк-марксист. 1930. № 15. С. 86–143.

References

1. *Pod znamenem marksizma.* (1927) Zasedanie Obshchestva Voinstvuyushchikh Materialistov [Meeting of the Society of Militant Materialists]. 4. pp. 208–227.
2. Tsobel, E.O. (1927) Institut K. Marksa i F. Engel'sa [The Institute of K. Marx and F. Engels]. *Pechat' i revolyutsiya.* 7. pp. 257–269.
3. Anon. (1929) V institute istorii pri Komakademii [At the Institute of History at the Communist Academy]. *Istoriik-marksist.* 14. pp. 221–227.
4. Markaryan, E.S. (1966) Ob osnovnykh printsipakh sravnitel'nogo izucheniya istorii [On the Basic Principles of Comparative Study of History]. *Voprosy istorii.* 7. pp. 18–31.
5. Melkonyan, E.L. (1981) *Problemy sravnitel'nogo metoda v istoricheskoy znanii* [Problems of the Comparative Method in Historical Knowledge]. Erevan: the Academy of Sciences of the ArmSSR.
6. Il'ichev, L.F. (ed.) (1979) *Metodologicheskie problemy obshchestvennykh nauk* [Methodological Problems of Social Sciences]. Moscow: Nauka.
7. Shtoff, V.A. (ed.) (1985) *Problemy metodologii sotsial'nogo poznaniya* [Problems of the Methodology of Social Knowledge]. Leningrad: LSU.
8. Krom, M.M. (2015) *Vvedenie v istoricheskuyu komparativistiku* [Introduction to Historical Comparative Studies]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.
9. Nechkina, M.V. (ed.) (1966) *Ocherki istorii istoricheskoy nauki v SSSR* [Essays on the History of Historical Science in the USSR]. Vol. 4. Moscow: Nauka.
10. Gordon, A.V. (2009) *Velikaya frantsuzskaya revolyutsiya v sovetskoj istoriografii* [The Great French Revolution in Soviet Historiography]. Moscow: Nauka.

11. Akselrod, L.I. (Ortodoks) (2010) *Kritika osnov burzhuaznogo obshchestvovedeniya i materialisticheskoe ponimanie istorii* [Critique of the Foundations of Bourgeois Social Science and the Materialistic Understanding of History]. 2nd ed. Moscow: LIBROKOM.
12. Tseytlin, Z.A. (1926) *Nauka i gipoteza: istoriko-kriticheskoe issledovanie matematicheskikh nachal natural'noy filosofii v svyazi s ucheniem o metode estestvoznaniya i obshchestvennykh nauk* [Science and Hypothesis: A Historical and Critical Study of the Mathematical Principles of Natural Philosophy in Connection with the Doctrine of the Method of Natural Science and Social Sciences]. Moscow; Leningrad: GIZ.
13. Telezhnikov, F.E. (1927) Problema prichinnosti s točki zreniya dialekticheskogo materializma [The Problem of Causality from the Point of View of Dialectical Materialism]. *Vestnik kommunisticheskoy akademii*. 24. pp. 20–73.
14. Fridlyand, Ts. (1928) 9-e termidora [The 9th Thermidor]. *Istoriĭ-marksisist*. 7. pp. 158–188.
15. Fridlyand, Ts. (1929) Marksizm i zapadnoevropeyskaya istoriografiya [Marxism and Western European Historiography]. *Istoriĭ-marksisist*. 14. pp. 13–35.
16. Fridlyand, Ts. (1928) Vystavka po istorii Velikoy frantsuzskoy revolyutsii [Exhibition on the History of the Great French Revolution]. *Letopisi marksizma*. 5. pp. 126–128.
17. Fridlyand, Ts. (1924) O metodike prepodavaniya istorii [On the Methods of Teaching History]. In: *Sbornik po voprosam partprosveshcheniya* [Collection on Party Education Issues]. Moscow: Ya. M. Sverdlov Communist University. pp. 96–116.
18. Anon. (1924) Vyderzhki iz stenogrammy zasedaniya kafedry istorii Sverdlovskogo universiteta [Excerpts from the transcript of the meeting of the history department of Sverdlovsk University]. In: *Sbornik po voprosam partprosveshcheniya* [Collection on Party Education Issues]. Moscow: Ya. M. Sverdlov Communist University. pp. 173–243.
19. Fridlyand, Ts. (1923) Retsenziya: Albert Mathiez. “Le bolschévisme et le jacobinisme” [Review: Albert Mathiez. “Le bolschévisme et le jacobinisme”]. *Pechat' i revolyutsiya*. 2. pp. 156–158.
20. Fridlyand Ts. (1923) Krugovorot professora istorii [The cycle of a history professor]. *Pechat' i revolyutsiya*. 6. pp. 8–19.
21. Fridlyand, Ts. (1931) Predislovie [Preface]. In: Erde, D.I. *9 termidora v istoricheskoy literature* [The 9th Thermidor in Historical Literature]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo. pp. 3–4.
22. Fridlyand, Ts. (1936) Engel's kak istorik [Engels as a Historian]. *Istoriĭ-marksisist*. 2(54). pp. 82–89.
23. Fridlyand, Ts. (1935) Engel's ob istorii kak nauke [Engels on History as a Science]. *Istoriĭ-marksisist*. 8–9 (48–49). pp. 5–27.
24. Fridlyand, Ts. (1928) Dva shaga nazad [Two Steps Back]. *Pod znamenem marksizma*. 2. pp. 147–161.
25. Fridlyand, Ts. (1924) Lenin i voyna 1914–1918 gg. [Lenin and the War of 1914–1918]. *Pod znamenem marksizma*. 2. pp. 148–172.
26. Anon. (1930) Diskussiya o Narodnoy vole v obshchestve istorikov-marksisistov [Discussion about the People's Will in the Society of Marxist Historians]. *Istoriĭ-marksisist*. 15. pp. 86–143.

Сведения об авторе:

Мочалов Дмитрий Петрович – соискатель ученой степени кандидата исторических наук Оренбургского государственного педагогического университета (Оренбург, Россия). E-mail: dosoldschool@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Mochalov Dmitry P. – Applicant for a Degree Candidate of Historical Sciences at Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russian Federation). E-mail: dosoldschool@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.11.2023; принята к публикации 15.05.2025

The article was submitted 20.11.2023; accepted for publication 15.05.2025